

∞ Арт-детектив. Тайны прошлого ∞
оживают в каждом мазке...

Тайна дома на холсте

Юлия Евдокимова

18+

Юлия Евдокимова

Тайна дома на холсте

<https://litres.ru/74061269>

SelfPub; 2026

Аннотация

«История — ведьма. Умеет зачаровать похлеще любого зелья».

Старинная картина с видом дома на холме и дамой под зонтиком попадает к Таисии Грайлих, бывшей звезде театра и кино.. Подпись художника стёрлась, но фигура женщины кажется живой и актриса решает узнать историю полотна и отыскать незнакомку.

Картина приводит Таисию в маленький городок, где ей предстоит раскрыть тайну заброшенной деревни, погрузиться в события 19 века, которые разворачивались в дачном Петербурге и поймать современного убийцу.

В книге две временных линии, но эти истории переплетаются, а женщины из разных веков становятся ближе, благодаря картине.

Уютная детективная история для тех, кто любит атмосферу маленьких городков и аромат яблочного пирога, и для тех, кто верит, что в каждой старинной картине непременно спрятана тайна.

Содержание

Глава 1. Болтужев, наши дни.	9
Глава 2. Москва наши дни.	12
Глава 3. Москва, наши дни.	18
Глава 4. Москва, наши дни.	25
Глава 5. Москва, наши дни.	31
Глава 6. Болтужев, наши дни.	40
Глава 7. Болтужев, наши дни.	49
Глава 8. Болтужев, наши дни.	59
Глава 9. Койвола, 188...г.	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Юлия Евдокимова

Тайна дома на холсте

На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не все умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, — совершенно.
Вот скалы, рощи, рыцарь на коне, —
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,
Идут стада по улицам предместий;
...А краски, краски — яркие и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли.
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.
И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно...
Николай Гумилев. («Фра Беато Анджелико», 1912г)

Все совпадения персонажей и событий случайны.

История- ведьма.

Умеет зачаровать похлеще любого зелья.

Читая книгу или смотря исторический фильм, люди поневоле становятся участниками событий.

Иногда они действительно оказываются в тех местах. Одни внимают вдохновенным рассказам гидов (каждый раз вдохновенным, даже если они повторяют одно и то же в триста пятьдесят восьмой раз — ведь для слушателей это происходит впервые). Другие, обладая развитым воображением, представляют, как звенели мечи на заросшем ныне поле или шуршали платьями дамы в слегка запылённом зале провинциального музея (где буквально вчера обновили лепнину на средства из полученного гранта).

Но старые картины...

Давно застывшие пейзажи кажутся старомодными декорациями некогда известного театра... лица на холсте — неживые и слегка напыщенные.

Вот фотографии - другое дело, ведь на них настоящие люди и настоящие места. А картина... Фантазия художника, не боле.

Разве что, Брейгель. Рассматривая фигурки на его полотнах так весело угадывать или выдумывать их жизнь, но это случается редко, да и где тот Брейгель, если не раз в три года на столичных выставках.

Но однажды...

Ты бросаешь взгляд на картину на стене — и замираешь. Окружающий мир исчезает.

Ты — там.

Ты чувствуешь запах трав, слышишь, как мягко стучат копыта по дороге. Лицо обдувает ветерок с реки, доносится смех дамы в ландо под зонтиком, щёки её пылают от удовольствия, от азарта скачки. Лают собаки, догоняющие экипаж.

Дом над рекой тих. Его окна пусты и равнодушны: ни искры света, ни скользнувшей тени, даже лучи солнца не касаются стёкол.

Он уже знает, что будет дальше.

Ему не интересно — потому что эту тайну придётся хранить лет сто пятьдесят, и все зря, ведь и его недолгая жизнь

закончится.

Но в тот миг, когда ты замер перед картиной, обратной дороги нет.

Теперь ты обязан узнать тайну дома, имя барышни с раскрасневшимися щеками... Ох, да какие щёки, ведь она сидит спиной, а ландо так далеко... Но... ты же видел, видел её лицо, когда коляска проносилась мимо!

Впрочем, зачем столько слов...

Пора. Пора в комнату, где на стене висит картина. И ждёт.

Неужели никто не откроет её тайны?

Или... это будешь ты?

Тогда знай: картина на стене — это не холст и не краски.

Это портал. А история, которая за ним прячется — настоящая ведьма.

Она умеет ждать. Она умеет молчать.

Но она уже выбрала.

Тебя.

Глава 1. Болтужев, наши дни.

Таисия Александровна Грайлих давно не чувствовала себя такой довольной.

Она сделала ещё один глоток горячего кофе, плотнее закуталась в мягкий клетчатый плед и глубоко вздохнула. Все фибры ее души - или из чего там состоит душа? - расправились и вдыхали свежий воздух с ноткой скорого тепла и черемухи. Было время, когда черемуховая мука стала трендом, редкое кафе не предлагало черемуховые десерты. Но скажи это здесь, в Болтужеве, покрутят пальцем у виска. Пекли, а куда ж деваться... в голодные годы. А у вас... тренд? Ну-ну!

Это неопишуемое чувство, когда впереди лето, уже зацвели сады и недавние обещания весны сбылись. В Москве такого ощущения не возникало, а в Болтужеве оказалось, что даже в свои... не нет будем их называть... года Таисия Грайлих сохранила способность радоваться лету.

Сэр Уильям, обычно степенный кот, не позволяющий даже намек на фамильярность, улыбался в усы, наслаждаясь свободой и солнышком после заключения в московской квартире. Он бы никуда отсюда и не уезжал, но как оставить хозяйку, кто будет за ней присматривать? В данный момент он внимательно рассматривал жука, ковыляющего по крыльцу, и Таисия вздохнула с облегчением, когда жук благополучно скатился с крыльца.

Все закончилось, ушла зима с ее призраками и печальными воспоминаниями, а значит впереди ждет только приятное.

Вчера подруга Серафима притащила кустики лаванды и посадила у нее в саду. Лавандовый цвет всегда лишал Таисию силы воли и заставлял безудержно скупать всевозможные вещи этого цвета, совершенно ей не подходящего. Может, теперь ей будет достаточно лаванды в саду?

- Лаванда на языке цветов означает преданность, душевное равновесие и спокойствие,- изрекла Серафима, - Ее дарят друзьям и близким в трудные времена и она защищает от злых духов. Даже на Востоке ее используют в особых случаях, чтобы выразить уважение и преданность.

-Хм... мило.

- Теперь ты не будешь скупать лавандовые шарфики в промышленных масштабах.

- Почему?- подняла брови Грайлих.

- Потому что тебя тянуло к тому, чего не хватало в твоей жизни. Ныне с этим все в порядке. Где у тебя лейка?

- Что у меня? Откуда у меня лейка?

- Я принесла в прошлый раз.

Но Таисию лейка не занимала. Она мысленно расставляла под яблоней столик и стулья с фиолетовой... нет, сиреневой, непременно сиреневой скатертью. Ох, как они будут пить там чай с подругами жаркими летними вечерами! И просекко, конечно.

Болтужев изменил недавно светскую даму, полагавшую, что райцентр это преддверие ада, и немудрено - городок необыкновенный! Три монастыря, множество храмов, две горы, одна из которых Пужалова, а другая- лысая, густые леса, узкая быстрая Клязьма, колокольный звон над крышами, да деревянный модерн, такой, что дух захватывает.

Такие, казалось бы, банальности: пение птиц по утра, размеренность жизни, простые радости, но именно из них, оказывается, и состоит счастье!

А ещё из загадок, которые не дают покоя, требуют разгадки. Таисия бросила взгляд на сумку, где лежала фотография старой картины. Пока неизвестно, куда заведёт новое расследование. Но что-то подсказывало: в Болтужеве она снова не просто так.

Не зря эта история началась так, как и должны начинаться таинственные истории: с приглушенного света, тихих голосов, еле слышной музыки...

Глава 2. Москва наши дни.

Свет в театральном фойе приглушили, создавая таинственную атмосферу. Экспонаты сразу заиграли по-другому: фотографии, афиши, сценические костюмы.

Воздух пахнет пылью тяжёлого занавеса, старым деревом и почему-то свежими цветами. Приходить на выставку, посвящённую любимому актёру, с цветами... странное желание, учитывая, что этого актёра нет в живых уже лет десять.

Таисия Александровна Грайлих фланировала среди публички с бокалом в руке, привычно скучая. Не прийти неприлично, на днях сразу несколько столичных газет опубликовали её интервью с воспоминаниями о совместном служении с почившей звездой. Юбилей смерти... странно праздновать смерть, когда надо праздновать жизнь. Но до круглой даты ещё ждать и ждать, экспонаты залежатся, да и актёра забудут. Вот и состряпали выставку.

«Лет через двадцать, — надеюсь, что не раньше, — думала Грайлих, всматриваясь в давние афиши, где красовалось её имя, — они устроят нечто подобное и в мою честь. Или к тому времени меня совсем забудут? На улицах уже не узнают, а автографы... когда я последний раз давала автограф — даже не припомню».

Очень хотелось в Болтужев, в почти обжитый деревянный домик у Лысой горы. Там не надо фланировать с бокалами,

там можно есть плюшки, смеяться и обсуждать с подружками какие-то пустяки.

И всё же... позвали. Интервью взяли... а у кого ещё, собственно, брать? Никого и не осталось. Не у Снежинской же, матриарха знаменитой династии, — та, небось, уже своего имени не помнит.

Из ленивых мыслей актрису вырвал шум. Помяни черта — он тут как тут! Снежинская не может выйти в свет тихо и пристойно, эпатаж её имя, даже в девяносто. Или девяносто пять?

Первой появилась Кларина, старшая дочка. Её движения были быстрыми, взгляд — острым. Кажется, она не ищет знакомые лица, а подсчитывает расходы организаторов. За ней последовала Елена, алый шарф развивался за её спиной. Сын, Марк, остановился у лестницы, сложив руки, словно охранник. Наконец появилась младшая, зажатая, со вздёрнутыми вверх плечами. Как всегда от маменьки досталось.

И, наконец, эффектное, отрепетированное до мелочей появление звезды.

В свои девяносто Снежинская смотрелась женщиной без возраста. Это не тот случай, когда выглядишь моложе на пять или на десять лет. Ее возраст не считывался вообще. Многочисленная пластика превратила некогда очаровательное неправильное лицо в безжизненную маску. Высветленные волосы спускаются ниже плеч, бесформенный балахон заканчивается до колена, сапоги-ботфорты, чёрная шляпа,

надвинутая почти до конца чёлки, серебряная трость в руках.

Молодого мужа рядом не наблюдалось.

Все заговорили, зашептались одновременно: Снежинская, сама Снежинская явилась!

Таисия догадывалась, что будет дальше, и не ошиблась. Великая актриса оглядела публику, не замечая экспонатов. Узрела Таисию, обратилась к ней через всё фойе знаменитым голосом, перекрывшим и говор, и тихую музыку:

— Грайлих! И тебя сюда заманили. Что ты там плела газетчикам про нашего героя? Говнюк был, как пить дать, говнюк. Талант присутствовал, бесспорно, но жалкий и мерзкий человечиска, признай!

Таисия пожала плечами, жалея, что не ушла раньше. Собственно, можно было не отвечать: Снежинская признавала только монологи.

Защелкали вспышки камер. Старуха — или робот? Какая же она старуха... — стукнула тростью о паркетный пол. Все снова замерли, а Грайлих не удержалась и фыркнула. Дед-мороз. Чисто разгневанный Дед-мороз!

Снежинская развернулась и удалилась, не говоря больше ни слова. Эффектное появление свершилось, журналисты и блогеры будут смаковать эти пять минут не меньше месяца.

После ухода клана некоторое время висела тишина. Потом все заговорили разом, словно избавляясь от морока.

«А ведь правильно сказала, говнюк был». — Снова фырк-

нула Грайлих, разглядывая особо удавшийся портрет покойника-юбиляра. — «Только в отличие от Снежинской никто таких высказываний себе не позволяет».

Пора уходить, ничего интересного уже не произойдёт. А все эти «как ты похудела», «а помнишь, как в "Чайке"...», «а вот Борис Семёныч умер, царствие небесное» лишь утомляют.

За спиной послышался тихий голосок:

— Таисия Александровна? Простите... вы же Таисия Грайлих?

Актриса обернулась. Перед ней стояла очень немолодая женщина, плотная, с уложенными в высокую причёску седыми волосами. Одета скромно: тёмная юбка, светлая блуза, на плечах вязаная шаль. Лицо умное, спокойное, с мягкими морщинами вокруг глаз. Явно не в своей тарелке на этом сборище, вон как вцепилась в сумочку, держит перед собой как щит.

— Да, это я, — Таисия улыбнулась настороженно: обычно за этим следует «я ваша поклонница, можно автограф?», а потом не отобьёшься от воспоминаний о давно забытых ролях. С другой стороны, как говаривал незабвенный Шекспир, восхваление утраченного порождает драгоценные воспоминания.

— Я Антонина Сергеевна. Мы не знакомы, но я много о вас слышала. Вы работали с моей двоюродной сестрой в Малом. Зинаида Павловна. Рано ушла, царствие ей небесное.

— О, Зина... — Таисия улыбнулась теплее. — Мы вместе начинали. Она была чудесной.

— Была, — согласилась Антонина Сергеевна. — Она много о вас рассказывала. Я, знаете, костюмерша. Всю жизнь в театре. Но сейчас уже на пенсии. А вас... — она помялась, — я не ради автографа. У меня к вам просьба.

Таисия вздохнула. Ну, конечно. Просьба. Как всегда.

— Слушаю вас.

— Я прочитала в прессе о выставке в Болтужеве... секрет картины, перстень... Словно в романе! Вас там чуть ли не главным детективом назвали.

Актриса рассмеялась негромко:

— Антонина Сергеевна, вы же понимаете, это всё журналисты. Я знать не знаю ни про какой клад. Внучка моя выставкой занималась, я и помогла немного. Мою фамилию приплели для веса, знаете, как бывает.

Женщина кивнула, но взгляд остался задумчивым.

— А я вот думаю... Может, и не совсем вралі журналисты? Я вот о чем. У меня дома картина есть. Старая. Дедушке досталась в тридцатые, когда он дом с обстановкой купил у одной женщины, за которой они с бабушкой ухаживали. Та умерла, а вещи остались. Дедушка ни в чём не разобрался, просто взял всё, потому что жалко было выбрасывать. Так эта картина всё время у нас висела. А недавно я на неё посмотрела и думаю: вдруг она чего-то стоит? Но... странная она. Как будто... живая. Подпись художника не разобрать,

стёрлась с годами. Раньше-то я её различала, известная какая-то фамилия, да вот, не помню. Только инициалы не совпадают.

— С чем не совпадают?

— С известной фамилией. Другие они.

Таисия собралась вежливо откланяться, мало ли у кого дома висят странные картины с неправильными инициалами.

Но Антонина Сергеевна смотрела с надеждой и какой-то тихой тревогой.

— Вы не подумайте, я не навязываюсь. Но мне уже... возраст, понимаете? А картина хорошая, жалко, если пропадёт. Может, вы посмотрите? Вы же в театре работали, с художниками общались. Может, подскажете, кто автор? А если и правда там что-то зашифровано... — она смутилась, — ну, глупость, конечно. Но вдруг?

Таисия вздохнула. Перед ней стояла не назойливая поклонница и не искательница приключений. Просто пожилая женщина, которая переживает за старую вещь.

— Хорошо, — сказала Таисия. — Давайте ваш телефон. На днях заеду, посмотрю.

Антонина Сергеевна благодарно кивнула, продиктовала номер.

«Ладно, всё равно ближайшие три дня я ещё буду в Москве, да и живёт новая знакомая в двух станциях метро».

Глава 3. Москва, наши дни.

В маленькой двухкомнатной квартире пахло пирогами и старыми книгами. На стенах — иконы, вышивки, календари прошлых лет. Но стоило переступить порог, как у Грайлих случился когнитивный диссонанс.

Рядом со старенькой вешалкой стоит зеркало в резной раме красного дерева до потолка, сверху — герб и скрещённые ветви. Такое попадалось только в музеях, но чтобы в обычной «хрущевке»? Как такое возможно?

Антонина Сергеевна засуетилась, поставила чайник, разложила по вазочкам яблочное варенье:

— Сама варила, не побрезгуйте.

Таисия первым делом поинтересовалась про зеркало.

— Всё оттуда, из старого дома. Дедуля мой так всё с обстановкой и купил. Вот, смотрите, сколько всего осталось.

Антонина Сергеевна метнулась к буфету и начала выставлять на стол тарелки с дореволюционными клеймами, какие-то вазочки.

— Я бы продала, но куда понести? И ведь обманут.

С разрешения хозяйки Грайлих сделала снимки, отправила фото знакомому антиквару и буквально через пять минут он ответил, что тарелочками и вилочками полны магазины, больше тысячи — полутора тысяч за них не выручишь.

— Обманывают. Везде один обман. Лучше подарю сосед-

кам и племяннице. — Поджала губы женщина. Тут же извинилась: не о Таисии она, об антикварах.

— Но ваше зеркало... его рама стоит больших денег.

— Не продам, привыкла я к нему... - Нахмурилась Антонина Сергеевна. - Из обстановки того дома еще один предмет сохранился, хотите посмотреть?

Она повела актрису в спальню, где у стены стоял восхитительный антикварный трельяж-секретер. Настоящее произведение искусства.

Грайлих дар речи потеряла. А женщина покачала головой:

— Это я тоже не продам, там всё моё барахло в ящиках, и вообще я с детства к нему привыкла. Да и что за него выручишь? Другое дело — шкаф, смотрите, советский, качественный, - показала она на невразумительный комод в гостиной.

Таисия пыталась лепетать что-то про полмиллиона, не меньше, но Антонина Сергеевна стояла на своём. Показала вышивку в рамочке на стене — три мушкетёра браво подмигивали, поигрывая шпагами:

— Вот ещё вещь ценная.

А Таисия испугалась. Увидят чужие глаза такие вещи — убьют, как пить дать убьют за трельяж да раму, и останется холодное тело милейшей женщины в обнимку с вышивкой на потертом коврикe.

Хозяйке её муки были неведомы, она перевела гостью в другой угол.

— Вот она, — сказала Антонина Сергеевна и кивнула на стену.

Картина висела в тяжёлой багетной раме под бронзу. Ещё и за стеклом. В первый миг Таисия пожала плечами: подделка под старых голландцев или немцев. Вон, дом — чисто голландский. Зачем-то покупают, вешают, хотя определенно лучше современного китча. Тут художник хотя бы постарался, красиво выписал.

Прищурилась, пригляделась.

Река, мост, дом на холме, экипаж, кавалер и дама под зонтиком, собаки. Всё так, как описывала Антонина Сергеевна.

И множество других персонажей, с первого взгляда незаметных. Открываются они один за другим, словно появляются из ниоткуда. Идут по берегу два путника, стоят люди на мосту, человек рыбу ловит. Вверх на холм бредут и парочки понаряднее, и женщина с ребёнком попроще.

И тут Таисия замерла.

Она совсем не искусствовед, но актриса, привыкшая читать лица, жесты, интонации, то, что скрыто за словами. Сейчас она читала картину.

Женщина в ландо слегка откинулась назад. Поездка доставляет ей удовольствие. Развеваются волосы, кокетливо повернута головка, треплет ветер зонтик от солнца. Вон, как покраснелась. Стоп, она же сидит спиной! Но Таисия готова поклясться, что видела лицо женщины, она только что пронеслась мимо в ландо, хохоча. Нет, такого не случается с под-

делками. Эта картина... она уникальна!

Женщина написана иначе, чем всё остальное. Остальное — академично, гладко, правильно. А эта женщина — живая. Слишком живая. Как будто художник писал её с натуры, вкладывая что-то личное, почти запретное.

Её лицо, улыбка, румянец, смеющиеся глаза... Откуда берётся это ощущение?

Дом над рекой пуст. Окна тёмные, даже свет на них не падает. Как будто дом не хочет, чтобы на него смотрели, прячет секреты.

И ещё... этого не может быть, но картина... движется! Секунду назад экипаж был чуть левее, а тени падали иначе. Она моргнула — нет, всё на месте. Подпись художника неразличима. Буква «В»... вот и всё. Но слева внизу терракотовой краской, с необычным наклоном влево, чётко, различимо читается название: «Койволово».

Видимо, она бормотала вслух про подделку немецких мастеров, потому что Антонина Сергеевна обиженно показала на это слово:

— Русское село, видите, написано?

Таисия набрала это слово в поисковике. Койвола, дачный пригород Санкт-Петербурга. В XIX веке — Россия, потом Финляндия, потом снова Россия. Русские называли его Койволово.

— Так вы поможете?

— А что именно вы от меня хотите? — Грайлих всё не

могла оторваться от картины, она завороживала, затягивала, казалось, ещё шаг — и ты окажешься там, на берегу реки в Койволове.

— Я хочу узнать, кто автор картины.

— А я хочу узнать, кто на ней изображён, — почти шёпотом сказала Грайлих.

— Всё в порядке? Вы побледнели.

— Да, — Таисия перевела дыхание. — Всё хорошо. Просто... неожиданно.

Как объяснить, что она, актриса, переигравшая десятки ролей, впервые чувствует себя так, словно попала в чужую пьесу, где не знает ни текста, ни сюжета? И не может, не хочет оттуда выбираться...

* * *

С разрешения хозяйки Грайлих сделала несколько фотографий: картину целиком, фрагмент с надписью «Койволово», нижний правый угол, где среди камыша прятались почти неразличимые буквы подписи.

Еще в машине, не дожидаясь приезда домой, она отправила снимки знакомым искусствоведам. И внучке — для компании.

Кристина ответила первой:

— Бабуль, картина — отпад. Это точно кто-то из известных. И даже если нет — она стоящая. Классный художник!

— Да, она производит впечатление, — осторожно сказала Таисия.

— Надеюсь, это просто картина и не будет никаких приключений? А то я волнуюсь. Как ты там, в Москве, одна!

— Крис, волноваться должна я за тебя, а не наоборот. И вообще я скоро приеду.

— Ты только... сильно не увлекайся, — внучка помолчала. — Вряд ли удастся что-то узнать. А всякие экспертизы — удовольствие дорогое.

— Про экспертизы можешь не заикаться. Хозяйка картины на них не согласится, у неё таких денег нет. И какие могут быть приключения! Это же девятнадцатый век.

— Ну, там наследники, которым нужна картина. Антиквар-убийца. Клад, с подсказкой, скрытой в сюжете...

— Дорогая, снаряд в одну воронку дважды не падает. Ещё один клад... это было бы слишком банально. И даже не интересно.

Она повесила трубку, покормила кота и улеглась в постель. Но уснуть долго не получалось. Даже сэру Уильяму, её недавно обретённому коту, надоело тарыхтеть и перебирать лапками.

Актриса ворочалась, вздыхала. Кот бродил по комнате — почти неслышно.

И вдруг — бах.

Таисия подскочила, дёрнула шнурок ночника.

— Уильям! — воскликнула возмущённо.

На полу валялся томик сонетов его тезки, обожаемого актрисой Шекспира.

Она подняла книгу, машинально раскрыла. И замерла.

«Назло природе, миру горькой прозы

Искусством жизнь застывшая дана:

Засохшей краски капли — это слёзы,

Их об убитом муже льёт жена...»

Подсказка от Вселенной? Таисия хмыкнула. Не смешите мои тапочки! Уильям необычный кот, но это было бы уже слишком. Просто кошачьи проказы.

И все же она открыла фотографию на телефоне, увеличила. Женщина в экипаже полна радости и жизни. Она рвется навстречу ветру, солнцу... как художнику удалось так передать ее характер всего лишь силуэтом со спины? Никакого траура, никакой даже тени печали. Все прочие персонажи тоже не походили на скорбящих вдов.

«О чём это я? — подумала Таисия. — Какое убийство? Какие вдовы? Мало мне прежних приключений».

Она выключила свет и заснула почти сразу.

Глава 4. Москва, наши дни.

На следующее утро в почте её ждали два сообщения.

Первое — от Ангелины, питерского искусствоведа, давней подруги.

Ангелина отыскала старинную карту Койволы и отметила крестиком место, с которого художник должен был писать пейзаж. Таисия сравнила с фотографией картины, покрутила карту туда-сюда и согласилась: да, именно то место.

А значит... дом с картины существует! Он отмечен на карте буквой и цифрой.

Ангелина писала: «Скорее всего, пейзаж создан талантливым, но неизвестным художником по заказу семьи. Не зря дом — центр полотна. И экипаж едет именно к дому. Значит, важен дом».

«И барышня, — сразу же ответила Таисия. — Барышня наполняет картину особенным светом».

«У меня такое ощущение, что я её где-то видела, — написала Ангелина. — Хорошо, что ты сняла картину с оборотной стороны. Это точно девятнадцатый век. Посмотри на углы: тогда именно так крепили шпоном. Картина высокого уровня. Возможно, неизвестное полотно известного художника».

«Но имя! Имя художника!»

«Не читается. Тем более снято через стекло».

* * *

Второе сообщение — от Леночки, сотрудницы Третьяковки.

«Это вполне может быть работа известного художника, но мы хотели бы увидеть полотно в натуре. Я и так и этак крутила фото — фамилия не читается. У нас есть образцы подписей всех известных художников. Я попробую сравнить. По крайней мере, образец почерка в названии места у нас есть».

Таисия сварила кофе, сделала пару упражнений из тайцзи — на полноценную зарядку не хватило терпения. Из головы не выходила картина.

Прихлебывая кофе она забила в поисковик название городка, добавила номер дома и литеру. Через полчаса у неё был список домовладений в Койволе — правда, уже тридцатых годов, когда городок снова отошёл Финляндии. Искомый дом принадлежал некоему финну по фамилии Аксенен.

Она отправила скрин находки Ангелине и Леночке, а заодно — краеведу из Болтужева.

Арнольд Михайлович обрадовался весточке и возможности быть полезным: «Есть у меня знакомый историк в Петербурге. Человек он своеобразный, но такие загадки любит. Напишите ему и сошлитесь на меня».

А потом... она нашла дом. Старая, еще дореволюционная фотография, начало XX века. Дом почти скрыт деревьями, но это именно он! Покатая крыша в стиле голландских до-

миков, две трубы, чердачное окошко, стрельчатые окна. Фотография сделана весной или осенью, листва облетела, и дом четко проступал среди стволов.

Актриса сидела перед экраном, в одной руке — бутерброд, в другой — телефон. Написала письмо петербургскому искусствоведу, приложила снимок картины и обнаруженную в интернете фотографию дома. Представилась со всеми регалиями: может, ответит?

Потом позвонила Антонине Сергеевне.

— Можно я ещё раз сфотографирую картину? — спросила она. — Без стекла, если получится.

— Приезжайте, дорогая, — голос костюмерши был тёплым. — Я тут подумала... после моей смерти всё отправят на свалку. Никто не поймёт ценности. Я решила раздарить вещи знакомым. Пусть память останется.

— Хорошая мысль, — осторожно сказала Таисия.

— Вам картина понравилась. Я сразу заметила.

— Не просто понравилась, — призналась актриса. — Она меня заорожила. Я... я уже занялась её историей. Я обязательно узнаю, кто жил в том доме на вашей картине!

— На вашей картине, — засмеялась в трубку старая костюмерша. — Я решила, что отдам её вам.

Таисия хотела возразить, но слова застряли в горле. Она слышала, как стучит сердце. Редкий случай — она не играла, не скрывала эмоции за образом. Она молчала, боясь спугнуть этот подарок.

— Приезжайте, — повторила Антонина Сергеевна. — Заберёте, когда будете готовы.

* * *

Она старалась не торопиться. Тщательно укладывала волосы, подбирала серьги к шарфику. Но руки всё равно дрожали.

Телефон пискнул. Два сообщения в почте. Нет, уже три.

Первое — от Ангелины. Подруга предлагала поискать в архиве домовые книги: узнать, кто жил в том доме, откуда к семье костюмерши попала картина.

Второе — от петербургского историка.

Он был краток: «Без сомнения, дом на картине и на фотографии один и тот же. Можете быть уверены на сто процентов. Но со списком владельцев вы промахнулись. Судя по силуэту церкви на заднем плане — это старая церковь Койволы. На её месте в девяностые годы девятнадцатого века построили новую. Значит, картина написана не позднее конца восьмидесятых».

Он словно помолчал, раздумывая — сделал паузу перед следующей фразой:

«Если художник писал дом с того места, где вы отметили на карте, то это никак не тот номер, который вы указали. Это дом номер один с литерой „А“. Внешне он полностью совпадает с фотографией. Владелицей была некая вдова действительного статского советника Ивашкевич-Горецкого Александра Павловна. Если хотите, попробую узнать побольше

об этой женщине».

«Да!» — немедленно откликнулась Таисия.

Третье письмо — от Леночки.

Она открыла его последним и прочитала дважды.

«Я как-то так повернула фото, — писала Леночка, — и рассмотрела буквы. Потом сравнила с другой картиной. Я почти уверена. Но нужна экспертиза, если хотите официального подтверждения. Это Вересаев».

Сердце подпрыгнуло.

«Какой Вересаев?»

«Не тот, который баталист, и не тот, что самый известный из трёх братьев — Василий. Этот — Пётр».

К сообщению прилагалась фотография другой картины. Тот же почерк. Тот же наклон. Тот же цвет подписи. И расположение — то же самое.

И... екнуло ещё сильнее. Знакомая фигура. Знакомый зонтик.

Барышня из открытого экипажа шла по берегу Финского залива. Снова вдали, снова со спины. Она повзрослела — в фигуре чувствовалась стать, уверенность. Она больше не рвалась навстречу ветру, шла степенно. Но сомнений не оставалось: это была она.

Рядом, держась за её руку, шёл ребёнок. Издали не разобрать — девочка или мальчик.

Таисия откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

«Почему вы не рисовали её ближе, Пётр Вересаев? Что

связывало вас с этой женщиной?».

Глава 5. Москва, наши дни.

Сэр Уильям лежал, притворяясь спящим, хотя на самом деле следил за хозяйкой через узкие щелки глаз. Зачем столько суеты? В суете забываются важные детали, которые лишь кажутся не существенными, а потом меняют весь ход событий. Если бы люди это понимали... но они все время куда-то торопятся.

— Кристина приезжает, — объяснила ему Таисия.

Кот дёрнул кончиком хвоста.

— Это и её дом, мой дорогой. Так что прошу если не любить, то уважать. В конце концов, если бы не Кристина, ты бы не оказался на этом кресле.

«Если бы не Кристина, ты бы не подвергла свою жизнь опасности», — хрипло мурлыкнул кот, но Таисия уже не слушала.

Она не понимала, почему её вдруг захлестнула тревога. Вроде все шло по плану, но внутри засело липкое, противное чувство, будто она забыла что-то важное. Или будто кто-то стоит за её спиной и смотрит.

Она обернулась. Конечно, никого, в ее собственной квартире! И все же вздрогнула, когда зазвонил телефон.

— Когда ты в последний раз была в Петербурге? — спросила Ангелина.

— Э... года три назад... Боже, неужели так давно?

— То-то и оно! Приедешь своими ногами в архив — получишь всё быстрее. Ну что, согласна?

Ох, как это было заманчиво!

- Можно съездить на то место, откуда Вересаев писал пейзаж, - задумчиво протянула Таисия. Потом спохватилась: Но у меня же кот! И внучка приезжает. Взясась за ум! Перевелась на заочный и приезжает на сессию.

- Сессия три дня?

- Почему три дня? Месяц.

- Вот именно! Ну, съездишь ты на три дня в Петербург, и что? Успеешь еще с внучкой пожить. Опять же кот под присмотром.

Сэр Уильям поднял голову и посмотрел с подозрением. Оставить его с Кристиной? Это же... ни в какие ворота!

А у Таисии уже запорхали внутри бегемотики счастья. Весенний Петербург... сирень у Исаакя... Огромные чайки над Невой... Ох, как соблазнительно... И она уже открыла рот, чтобы сказать «да», но все же пробормотала:- Линочка, я подумаю...- хотя внутри была уже почти уверена, что придет.

Тут она опомнилась, снова засуетилась, долго искала сумочку, потом шарфик.

Наконец за хозяйкой захлопнулась дверь и квартира погрузилась в тишину, а сэр Уильям в блаженную кошачью негу.

* * *

В такси Таисия сжимала сумочку до боли в пальцах. В голову лезли ужасные картины: вот сейчас она приедет, а картина пропала... и хозяйкин хладный труп лежит на кухне. Что же она не поторопилась, зачем тянула время!

«Чур меня», — прошептала она, нажимая кнопку домофона.

Сердце колотилось так, что она чуть не пропустила щелчок двери.

Антонина Сергеевна оказалась жива и здорова. Она суетилась в кухне, наливала чай, ставила на стол варенье, рассказывала о театре. Таисия кивала, улыбалась, но не слушала. Наконец приличия были соблюдены.

— Снять со стены? — спросила хозяйка.

Таисия помотала головой:

— Я так сфотографирую. Только стекло бликует...

Антонина Сергеевна спросила:

— Сейчас заберёте?

Рука с телефоном замерла.

— Заберу... что?

— Картину.

У Таисии пересохло во рту.

— Я же обещала, — сказала хозяйка. — Отдам вам.

Грайлих всплеснула руками, ахнула, забыв, что никогда не проявляет эмоций. Хотя это раньше она не проявляла, а новая Таисия, что родилась в Болтужеве год назад, вполне даже проявляет. Зачем их прятать, эмоции и чувства, ведь

именно они и делают нас людьми.

— Вы уверены? Она же может оказаться очень ценной!

— Что это для меня изменит?

— Вы ее продадите.

— Это неважно.- Женщина принесла газеты, упаковала картину, протянула гостье.

— Вы уверены? — еще раз спросила Грайлих уже в дверях.

Антонина Сергеевна улыбнулась:

— Абсолютно. Вы же о ней позаботитесь. И узнаете её историю. Вы обещали, помните?

— Обязательно, — сказала Таисия.

Всю дорогу в такси она сжимала картину так крепко, словно водитель собирается ее отнять. У подъезда ей почудилось, что кто-то смотрит в спину. Обернулась — никого. А когда зашла в квартиру, вспомнила, что не записала адрес дома откуда появилось полотно. Без адреса в архив не пойдешь!

Открыла дверь, споткнулась о чемодан и сумки и почти рухнула на внучку, не до равновесия было, картину бы не уронить.

Когда закончились объятия и приветы из Болтужева и достали из сумок знаменитое клубничное варенье Лели, картину распаковали.

— Бабуль, круто! Клевая картина! Бедненькая, столько лет под стеклом — это же вредно для холста!

Они освободили гвоздик в гостинной, потом передумали и

повесили картину в спальне. Лучи солнца упали на холст и он ожил — заискрилась вода, задвигались тени.

— Смотри, ба, сколько народу! — Кристина водила пальцем в сантиметре от холста. — Только что на мосту никого не было — и вдруг появляется человек с удочкой.

Таисия смотрела на картину и не могла оторваться.

— Ты только никому не говори, — попросила она внучку. — Даже своему бойфренду.

— Кому? — весело прищурилась Кристина.

— Сама знаешь, кому.

Ночью Таисия проснулась от того, что в комнате кто-то был.

Она села на кровати, прислушиваясь. Тишина. Только кот сопит в кресле. Луна светит в окно, и при этом холодном, боковом свете картина на стене выглядит... иначе.

Таисия включила ночник. Всё на месте, ей просто показалось.

Но до утра она так и не уснула — сидела, смотрела на холст и ждала, когда он снова оживёт.

* * *

Кристина тоже долго не засыпала прошлой ночью, переписывалась с друзьями, и московскими и теми, кто остался в усадьбе в Болтужеве. В первую очередь с руководителем волонтеров, из-за которого она и восстановилась в университете. Бойфренд, сказала бабушка. Ну, так далеко это не зашло, развивалось постепенно впервые за все время ее скоро-

спелых и так же скоро затухающих романов, но... Она мечтательно прикрыла глаза, но уснуть не удалось и она снова взялась за телефон.

Утром за завтраком она рассказала бабушке все, что узнала.

Братья Вересаевы родом из Перми, отец их был иконописцем, как и дед, обучавший внуков после смерти отца. Потом они учились у художника арзамасской школы, наконец – переехали в Петербург.

Дальше их пути разошлись.

Средний брат Василий рано получил золотую медаль Академии, съездил в Италию за казенный счет. К нему быстро пришла слава, звание академика.

Пётр, старший, пошел совсем другим путем. Никакой Италии и это было принципом. Он гораздо позже добился звания художника первой степени, но в итоге также стал академиком. Петр не писал академических итальянских пейзажей, старший Вересаев видел свое призвание, даже миссию в другом: показать, как прекрасна Россия, ее пейзажи не хуже итальянских. Он много путешествовал, был с русскими войсками на Балканах, на Кавказе, объехал всю страну от Урала до Юга. Первое время он скромно преподавал рисование, черчение и чистописание в одном из маленьких городков Витебской губернии. Но затем вернулся в Петербург. После смерти Петр Вересаев оставил настоящую летопись российской природы и городов.

— А третий брат? — спросила Таисия.

— Агафон... О нём мало известно, ничего практически не нашла. И работ не сохранилось. Точно ему приписывается лишь одна, за которую он получил медаль при выпуске из академии. Писал на религиозные сюжеты, славы братьев не достиг, умер в богадельне и даже точная даты неизвестна.

— Как это? — ужаснулась актриса.

— Кто ж знает. Не повезло.

Таисия рассматривала фотографии, открытые в телефоне Кристины. Василий, средний и самый известный из братьев, удостоился и фотографий и портретов. Солидный, седой, с бородой. Настоящий академик, знающий себе цену.

Пётр совсем другой. На единственной сохранившейся фотографии круглые очки кажутся маловаты для крупного, широкого лица с коротко подстриженной бородой. Видимо из-за них он немного похож на Чехова. В нем не было ни осознания собственной значимости, ни монументальности старшего брата.

— О нем говорили как о скромном, сдержанном человеке, не слишком общительном.- Сказала Кристина.

«Кем же приходилась тебе порывистая барышня?» — подумала Грайлих.

— Что ты сказала? — удивилась внучка.

— Так, ничего. «Я снова бормочу вслух! Неужели вот так приходит старость?»

Она собиралась рассказать Кристине, что уедет на три дня

в Петербург, но вспомнила, что не уточнила у Антонины Сергеевны адрес дома, откуда к ее родственникам попала картина.

— Дорогая, ты сможешь сделать для меня одну вещь? Конечно, не в ущерб сессии.

— Если это связано с картиной - я готова!

— А если нет?

— Тогда поторгуюсь! Что мне за это будет? – засмеялась Кристина.

Господи, как же хорошо, когда она вот такая, не дуется, не переживает неудачные романы, не замыкается в себе...

— Сможешь сделать запрос в архив о людях, которые жили в одном доме в тридцатых годах и раньше? Я сейчас позвоню владелице картины... бывшей владелице. Растяпа, сразу не спросила у нее адрес.

— Будь мы персонажами сериала, ее бы уже убили, и ты никогда не узнала бы адреса!

— Тьфу на тебя! Крис, как у тебя язык повернулся! - Грайлих не призналась, что ей недавно приходили в голову те же мысли. - Представь себе, узнали бы. Предыдущую прописку Антонины Сергеевны, ее родителей, так и раскрутилась бы вся цепочка.

— Да ты и правда настоящий сыщик! Это я будущий историк, а даже не подумала, что все так просто. Что? – Кристина уставилась на бабушку, видя, как изменилась в лице Таисия, слушая собеседницу по телефону.

— Ой, Таисия Александровна, дорогая, простите меня! Я вовлекла вас в такие сложности! Я совсем забыла сказать, что дедушка с бабушкой жили не в Москве. Я потому и искала вас... это в Болтужеве. Вернее, где-то рядом. У вас есть карандаш? Деревня Лисина пустынь, улица Озерная, дом три.

Таисия повесила трубку и уставилась на внучку. Сэр Уильям потянулся, так, как это делают только коты, сначала передние лапы, затем задние каждая по очереди, наконец довольно муркнул что-то, высоко задрал хвост.

Болтужев говорите? Придется Петербургу подождать. Кто бы поверил, что Таисия может это сказать!

Глава 6. Болтужев, наши дни.

Вот так Таисия Александровна Грайлих и оказалась в любимом Болтужеве раньше, чем планировала.

Сердце было не на месте, как там Кристина в Москве одна, даже ужин приготовить некому... Внучка лишь смеялась, мол взрослая она, бабушка забыла, сколько ей лет? Уж в усадьбе в Болтужеве выжила, а в Москве тем более! Конечно, она была абсолютно права, но бабушки... такие бабушки, даже если они при этом знаменитые актрисы театра и кино.

- Лисина пустынь? – Задумалась Серафима.- Где-то я уже слышала это название. Удивилась еще, почему не лисья. Но где?

- Так это Треклятая деревня!- Леля, разливавшая черничный чай, застыла с чашкой в руке.

- Почему треклятая? - спросила Серафима.

- Вот сразу видно, приезжие. Это долгая история. У тебя же остановилась учительница истории, которая гоняется за духами, вот ее и спроси.

Дверь распахнулась и в столовую купеческой гостиницы, которой управляла Серафима, хозяйка, директор, бухгалтер в одном лице, а порой даже горничная, впорхнула молодая женщина. Светловолосая, стройная, губки бантиком.

- Галà не заходила? Умчалась с утра пораньше, даже меня не разбудила. Только о Мартыне и думает, прямо горит

идеей.

- Нет, и на завтрак не спускалась. А ты присядь, сейчас чайку налью,- сказала Серафима.

Девушка легко и невесомо опустилась на деревянную скамью. Ей бы в кино сниматься а не... что она, собственно, здесь делает?

Оказалось, что две подруги, красавица Ульяна и пока незнакомая Гала («надо же, как претенциозно, на музу Сальватора Дали замахнулась. Интересно будет глянуть, что за диковинная птица!» - подумала Таисия),- со второго полугодия начали работать в болтужевской средней школе.

Это идея пришла в голову «историчке» Гала. У нее был свой метод: Гала очаровывала учеников погружением в историю, проводя с ними больше времени на воздухе, чем в классе. А что может быть для этого лучше центральной России, где каждый камешек дышит историей: тут пробежало войско хана, здесь правили князья, а в том лесу сидел на высоком дереве кот Баюн! Разумеется, она думала о будущей диссертации и защите своего особого метода.

Ульяна была тише, скромнее, поехала за компанию, а кто бы устоял против такого азарта и вдохновения! Так и оказались молодые женщины в Болтужевской школе, а пока им не выделили квартиру, снимали номера в купеческой гостинице. Гала активно занималась блогерством, увлекала необычным подходом к истории сотни тысяч подписчиков, что позволяло жить безбедно, тем более, в маленьком провинциаль-

ном Болтужеве.

- Простите, о каком Мартыне?- Подняла брови Грайлих, а Серафима хлопнула себя по лбу:

- Так вот откуда я знаю про Треклятую деревню, ну конечно! Мартын-лисогон.

Ульяна закивала:

- На Мартына-лисогона вороний праздник. Мартын гонит лис из нор, а вороны купают воронят в лужах. Это мистический день, они могут накаркать беду.

- Но причем тут Треклятая деревня?- Спросила Таисия.

- Здесь ее так зовут. Лисиной пустынью уже никто не называет. Всего-то десять километров от Болтужева. Гала подружилась с местным краеведом, он и подсказал настоящее название. Гала решила поехать туда с классом, общаться с духами.- Ульяна говорила быстро, тараторила, но глаза умные, внимательные. Совсем не глупенькая барышня, несмотря на губки.

- Не дело она затеяла,- покачала головой Леля.- Не зря деревню так зовут, Треклятой. Туда давно никто не суется.

- Но мне туда надо!- Возразила Грайлих.- В Лисину пустынь.

- Выброси из головы, - сказала Леля.- Никто туда не поедет.

- Вы, может, и не поедете, а я должна! Ваша подруга может взять меня с собой?- Повернулась она к Ульяне.- Правда, я не уверена, что выдержу компанию школьников, но куда же

деваться.

- И не надо со школьниками. Гала собиралась поехать заранее, договориться с хозяином деревни, чтобы их пустили.

- С кем?- Брови Грайлих поднялись выше прежнего. – У деревни есть хозяин?

Леля поморщилась, а Ульяна горячо продолжала:

- Говорят, что там полно духов. Нет места более мистического во всей округе, чем Треклятая деревня, чтобы поговорить о народных суевериях. Гала сказала, что это взорвет ее блог!

- Да не пустит он вас.- Леля покачала головой, с сожалением глядя на девушку.

- Ну, может быть, владелец будет не против... может, он готов...

- Он ни на что не готов, поверь мне. Вам лучше держаться подальше от этой деревни. И подруге своей скажи.

Наступило молчание, потому что Леля развернула газеты, откинула льняное полотенце и на столе появился яблочный пирог. Собственно оба этих слова нужно писать с заглавных букв, уже если Треклятую деревню тут зовут именно так, то пирог несомненно заслужил уважительного обращения.

— Из прошлогодних яблок, — объявила Леля, ставя блюдо на середину деревянного стола.- Те, что в погребе перезимовали, они слаще всяких свежих.

Корочка была темно-золотой, местами подгорелой до приятной горчинки, посыпанной сахарной пудрой, которая

таяла от тепла.

Хозяйка лучшего кафе в Болтужеве взяла тяжелый нож и все одновременно сглотнули.

Запах ударил в нос сразу: горячее тесто, корица и особенный, винный аромат печеных яблок. Прошлогодние плоды за зиму потеряли лишнюю влагу, их вкус стал похож на мед и сухофрукты одновременно.

— Пробуйте, пока не остыл, — Леля разложила куски по тарелкам.

Кусок пирога был тяжелым, начинка не вытекала, а держалась плотным слоем. Таисия отломилась край и тесто сразу рассыпалось крошками. Вкус был обманчиво простым. Сначала чувствовалась соль и масло корочки, потом кислая, почти терпкая мякоть яблока. Яблоки не разварились в кашу, они сохранили форму долек, но стали прозрачными, янтарными. В них была и кислота, которая сводила скулы, и сладость, которая согревала желудок.

— Как в детстве, — улыбнулась Серафима.- Я вот хоть целыми днями печь буду, а так не получится. Тут талант нужен и еще что-то, даже не знаю как описать!

— Бабушка всегда такие пекла, — сказала Леля.- Яблоки в опилках в погребе хранили. К весне они сморщивались, как старушки, а вот аромат...

Серафима отломилась кусочек, но есть не стала. Просто держала его на вилке, словно вспоминая о чем-то. В этом пироге был вкус прошедшей осени и надежда на грядущее цветение

яблонь в болтужевских садах.

Яблоки помнили прошлое лето. Помнили солнце, дождь и руки, которые их сорвали. И теперь они напоминали об этом здесь, в теплой столовой, окутывали теплом и радостью.

- Сегодня к обеду будут картофельные шарики с сыром. Попробуете- за уши не оттащишь, - сказала Леля.

Но Таисия уже отложила вилку.

- Ты нам зубы заговариваешь? Пирогом зачаровываешь? – Леля невинно хлопнула ресницами.- Но рассказывать все равно придется. Что нее так с Треклятой деревней и кто ее хозяин? Что это за жуткое место?

-Это место? Оно не жуткое. Оно страшное. Большая разница.

- Я не понимаю.

- Проедете за Лысую гору, потом еще километров пять и окажетесь в настоящей глуши. На развилке свернете направо и поедете по ужасной проселочной дороге через густой лес, пока не доедете до указателя «Лисина пустынь». И второго – «въезд запрещен».

— То есть ты там была?

— Конечно, нет, потому что не настолько сумасшедшая, чтобы туда сунуться. Но я об этом слышала.

— Продолжай,- заинтересованно сказала Таисия. – Давай сразу к самому интересному.

— Хорошо. Если вы действительно хотите узнать эту историю, расслабьтесь. Она длинная. После войны, в конце со-

роковых один из жителей вернулся в деревню, где уже почти никого не осталось. Его участок примыкал к участку старшего брата. И они стали жить вдвоем в деревне. Привели в порядок дома, улицы. Ну, все как в обычной деревне. Но пускали туда лишь тех, кого оба одобряли. Получилось типа секты, а так как деревня посреди леса, на отшибе, то никого они особо не интересовали. На самом деле не секта, конечно, а старообрядцы, только не обычные, каких у нас много, а беспоповцы, то есть те, кому священник не нужен.

- А как же перепись населения и все прочее?

- А вот так, - развела руками Леля.- А потом там что-то произошло. Но никто не знает, что именно. И некоторые жители умерли. Видимо вирус, с которым они без врача не справились. Другие решили уехать. Говорят, история повторилась, такое уже было до войны, в конце тридцатых.

«Наверное тогда дедушка с бабушкой Антонины Сергеевны и переехали в Москву», - подумала Таисия.

- Остались в деревне только два брата. А слава у нее с тех пор нехорошая, никто туда и не суется, почти сто лет.

- Но кто-то же там живет?

- Да, поэтому никто не может туда попасть, владелец отказывается пускать. - - И кто владелец?

- Человек по фамилии Корнилов. Когда-то братья выкупили дома тех, кто уезжал и постепенно у них в руках оказалась большая часть деревни. А уже в наше время наследник подсуетился и оформил все документы. В девяностые чего

только не случилось.

- И что, этот Корнилов никогда не бывает в Болтужеве? Где же он берет продукты?

- О, ты уже представила эдакого отшельника? Ничего подобного. Он приезжает и за продуктами, и даже в букинистический магазинчик заглядывает. Вполне приличный на вид человек. Но кроме «здрасти-до свиданья» ни с кем не общается. И, говорят, у него ружье, сунешься- застрелит... Но не суются туда по другой причине. Я еще маленькой была, рассказывали, что там бродят призраки братьев, сунешься - найдут твой труп с выражением ужаса на лице.

- Обычная городская легенда, - сказала Ульяна, но не слишком уверенно.

- Это правда. Я слышала, что кто-то туда отправился двадцать лет назад и больше не вернулся.

- Кто?- Поинтересовалась Таисия, снова принимаясь за пирог.

- Я не знаю, но точно кто-то.

- Ну-ну,- теперь и Серафима головой покачала.- Двоюродная сестра троюродного брата деверя золовки. Я понимаю, что вашей подруге нужна сенсация. Но на ее месте,- повернулась она к Ульяне, - я бы детей туда не водила. Если собственник не позволит.

- Не рассчитывайте на это. Не позволит.- Подвела итог Леля и встала, чтобы собрать тарелки.

- Не забудьте попросить вашу... э... Галà, чтобы взяла ме-

ня в компанию, когда поедет к этому... Корнилову.- Крикнула Грайлих вдогонку Ульяне, которая заторопилась в школу.

Ульяна кивнула, потом секунду помялась и спросила:

— Вы правда думаете, что это место... проклято?

— Я думаю, — сказала Таисия, — что всему есть объяснение. Просто не всегда мы его знаем.

Ульяна вышла. Дверь за ней закрылась.

— Хорошая девушка, — вздохнула Серафима. — Обе хорошие. Но у той есть цель, а эта идет на поводу. Здесь и кавалеров для них нет, пропадут девицы-красавицы.

Она посмотрела в окно, на Лысую гору, за которой пряталась Треклятая деревня.

Глава 7. Болтужев, наши дни.

Подруги проговорили больше часа. Они не виделись всего несколько месяцев, общались по телефону, но если ты нашел людей с которыми легко и радостно, темы для разговоров не иссякают.

Леля наконец закончила ремонт в кафе, теперь оно не пугает туристов обликом деревенской столовой. А еще придумала чайный конструктор, к базовым сортам чая - черному, зеленому, красному можно добавить любых трав и специй по вкусу. Подходи, высыпай травки в заварку - и к самовару, который ждет посетителей кафе на белоснежной скатерти.

Серафима придумала маленькие открыточки для постояльцев и даже... «Это все благодаря Гала, ее идея, зато интерес к моей гостинице сразу вырос! Она придумала привидение, старика-купца, который бродит по коридорам ночью. Мы уже сценарий разработали, будем делать интерактивные экскурсии, представляете!»

Таисия восхищалась подругами, рассказывала свою историю с картиной, еще не зная, что пройдет совсем немного времени и спокойная жизнь закончится. Первый звонок телефона раздался так неожиданно, что три подруги одновременно вздрогнули, а Серафима пролила чай на белоснежную скатерть. И хотя она уговаривала Таисию не отвечать на звонок с незнакомого номера, актриса ее не послушала, и пра-

вильно сделала. Потому что звонил ей петербургский историк, которому она предусмотрительно оставила свой номер телефона.

- Уважаемая Таисия Александровна, простите за беспокойство, но я никак не доберусь до компьютера, чтобы отправить вам сообщение, решил позвонить. У вас есть чем записать?

Таисия замахала руками в воздухе, изображая, что она пишет, Серафима убежала за конторку и принесла листок бумаги и ручку. И вот уже на листке появлялись имена и адреса.

Историк выяснил, что в доме с картины жила семья действительного статского советника Ивашкевич-Горецкого. Вдова, Александра Дмитриевна, сын Август, дочери Феорония, Клавдия и Клеопатра. Нужно ли копать дальше?

-Пожалуйста, копайте!- Взмолилась Грайлих.- Я готова оплатить ваши услуги, хочу знать, что было дальше с этой семьей. Скажите... а там нигде не появляется фамилия Вересаев? Художник.

- Нет, но неподалеку была дача Ильи Репина, там гостили многие художники... Но я проверю по списку дачников.

- Пожалуйста, проверьте! Мне это очень важно!

Разговор закончился, Таисия посмотрела на листок. Вот и имена тех, кто жил в доме во второй половине XIX века. Кто же из вас – та барышня с картины? Клавдия, Клеопатра, Феорония? А может, это Август с красавицей-невестой едет

в ландо? Ну просто древний Рим, а не окрестности Петербурга, ничего себе, имена!

Второй звонок уже никого не напугал, но, видя выражение лица Таисии, подруги притихли и уставились на нее с вопросительными выражениями лиц.

* * *

Кристина пошла пешком, хотя могла бы взять такси. Бабушка говорила, что Антонина Сергеевна живёт в старом районе, где дворы еще сохранили старомодные клумбы с розами на штамбе и высокие деревья и ей захотелось прогуляться.

Действительно, картинка напоминала фотографии из прошлого. Кажется, вот-вот на скамейку усядутся давно исчезнувшие из дворов бабушки, а старички будут азартно шлепать по деревянному столу костяшками домино. Кристина смутно представляла, как это было в давно ушедшие советские времена, но не зря она училась на историческом факультете, картины вставали перед глазами, как живые. А может, это все сказки и ничего такого никогда не было?

В сумке гремели баночки с Лелиным вареньем, шуршали пакетики с конфетами и печеньем, звякала баночка красной икры, нарезки из «Азбуки вкуса». Бабушка велела купить самое лучшее, ведь они теперь в долгу перед Антониной Сергеевной. И вообще, теперь они отвечают за старую костюмершу.

Антонина Сергеевна долго выпрашивала, кто пожаловал,

никак не могла понять, зачем к ней пришла внучка Грайлих, а потом все же отворила, растрогалась.

- Ну что же это вы удумали, господи, зачем же вы...

- Ничего не знаю,- смеялась девушка.- Велено передать.

- Чем я тебя угощу, у меня только яблочное варенье... А ты мне вон чего принесла!

- А меня не надо ничем угощать!

Квартира пахла пирогами и старыми книгами, все, как описывала бабушка. И рама с гербом наверху была на месте, Кристина как ее увидела так и ахнула. Подобные она видела только в музеях.

- Пойдем, пойдем, раз тебе так эта рухлядь нравится, я тебе и секретер покажу. Трельяж - секретер стоял на месте, изящный, золотисто-красного дерева, с резными завитками и инкрустацией. Она видела его на фото, но живую... Живую он... дышал. Стариной и какой-то важной жизнью, которая пряталась в многочисленных ящичках с резными ручками, а еще секретами, которые здесь непременно должны храниться.

— Можно посмотреть? — спросила Кристина, не удержавшись.- Я аккуратно.

— Смотри, деточка, — разрешила Антонина Сергеевна. — Всё равно некому это после меня разбирать. Только вон те ящички не трогай, там мои вещи.

Кристина присела на корточки. Ящички были маленькие, но вместительные. В одном - разномастные пуговицы, за-

чем-то бережно хранимые их хозяйкой, в другом – старые выцветшие фотографии. В третьем - письма, перевязанные ленточкой, словно в старых фильмах. Кристина будто провалилась во временной портал.

— Погоди, я тут разбираюсь после ухода Таисии Александровны и вот что нашла. – Антонина Сергеевна бережно раскрыла потрепанную папку, достала один за другим старые документы. Вот страховое свидетельство на дом в деревне Лисина пустынь по улице Озерной страховой компании Ллойд, вот письма агента некоему Никите Дмитриевичу Казанцеву, все от 1910 года.

— Я и не знала, что в деревнях дома страховали,- сказала хозяйка.

Кристина с важным видом будущего историка кивнула. Конечно страховали.

Металлические таблички крепились на фасадах зданий в дореволюционной России и означали, что дом застрахован от пожара и других происшествий в конкретной страховой компании. Они также выполняли рекламные функции и подчёркивали социальный статус домовладельца. Это в Москве их почти не увидишь, а в Болтужеве и прочих маленьких городках до сих пор встречаются на домах.

В России первые страховые доски появились в 1827 году с учреждением «Первого Российского страхового от огня общества». Со временем их использовали все акционерные и городские взаимные общества, а также земские учреждения,

страховавшие имущество от огня. Страховали и дома в деревнях, для этого имелась специальная программа земского страхования.

Кристина рассказывала с упоением. В университете этому не учили, но совсем недавно они с волонтерами начищали такие таблички на Болтужевских домах. Пока говорила, тянула ящички, рассматривала.

— Вот здесь, кажется, что-то застряло, можно я чуть подвину?

Не дожидаясь ответа хозяйки, она потянула за ящик, тот не поддавался. Тогда она нажала чуть сильнее и услышала щелчок.

Ящичек выскочил, но не целиком. Дно отошло, и он развалился прямо у неё в руках — дерево рассохлось, клей не держал, и маленькие дощечки веером рассыпались по полу.

— Ой, — сказала Кристина. — Простите, я...

— Господь с тобой, — махнула рукой Антонина Сергеевна. — Старьё, оно и есть старьё.

И тут Кристина увидела бумаги. Стопка бумаг некогда, по-видимому, скрепленных в обложке, а сейчас рассыпавшихся, пожелтевших, исписанных с обеих сторон старомодным почерком со всеми положенными ятями. Бумаги сохранились неплохо, ведь их уже сто лет, а может, и дольше, никто не трогал. Почерк торопливый, слегка скачущий. Барышня – а почерк был несомненно женским – не отличалась старательностью и усидчивостью.

«Несмотря на все наши советы, Клавдия снова оказалась беременна. Я не удивилась. У моей сестры и её мужа был очень любящий и нежный союз, и естественным результатом таких отношений становились дети.

Узнав о хрупком положении Клавдии, мы с матушкой рассмотрели варианты ухода за ней. Провинциальный городок, где её муж находился на государственной службе, не являлся идеальным местом для сложных родов, которые предсказали доктора, с учётом тамошних зим.»

Кристина сидела на полу, разбирала стершиеся буквы. Ей захотелось немедленно узнать, кто пишет дневник, кто такая Клавдия и все ли с ней хорошо. Антонине Сергеевне пришлось тронуть ее за плечо.

— А? Что? — она словно проснулась.

— Что там? — спросила Антонина Сергеевна, наклоняясь ближе.

— Это дневник, — тихо сказала Кристина. — Я... можно я позвоню бабушке?

Она набрала номер дрожащими пальцами.

— Ба, ты не поверишь. В трельяже... у Антонины Сергеевны, да, в каком же еще! Ящичек развалился. Нет, все нормально, я ничего не порушила... оно... само. Там дневник, в общем. Женщины. Ужасно интересно!

— Ты можешь сфотографировать? Спроси разрешения.

— Ба, тут страниц сто, не меньше.

— Крис, это может быть очень важно!

Антонина Сергеевна посмотрела на Кристину на полу с телефоном в руке, на пожелтевшие листы и улыбнулась.

— Надо же. Какая находка. Я с этим трельяжем восемьдесят с лишним лет живу, и не знала...

Кристина достала телефон и начала снимать страницу за страницей.

— Да ты забери. Мне же не надо. Может, Таисии Александровне пригодится. Она обещала узнать про картину.

— Вы серьезно? Правда, можно забрать?

— Это можно. А документы оставь. Они, конечно, никому не нужны, но я не хочу с ними расставаться. Это память. Видишь, договор купли продажи дома. Казанцева Феодосия Егоровна в 1936 году продала дом моему дедушке.

Кристина ахала и снимала. Одно дело в музеях, где документы и фотографии превращаются в экспонаты. Здесь, в этой старенькой квартире они были... настоящими, живыми. У девушки даже руки дрожали, когда она перекладывала листы.

«Милостивый государь, Никита Дмитриевич, в ожидании вашего благосклонного ответа остаюсь с совершеннейшим почтением». Ух, как завернули! Не просто ответа ждут, а заранее сообщили, что благосклонного. Не помешало бы и сегодня взять на вооружение!

Антонина Сергеевна вышла провожать девушку к подъезду. Они какое-то время постояли молча. В весенней листве тополей шумел ветер и Кристине показалось, что он шепчет

чьи-то имена. Но это же просто ветер...

* * *

Они решили, что Кристина отснимет копии с найденного дневника. Если конечно, это не повредит старую бумагу. Нельзя отправлять его с курьером, вдруг потеряется! Но и ждать слишком долго Таисия не могла, значит, надо отправлять копии.

— Вот это да! - Подруги изумленно качали головами. - Бывает же такое. Таисльсанна, ты же расскажешь, что там, что за дневник?

— Даже если он не имеет никакого отношения к картине! - Вторила Серафиме Леля. - Это же безумно интересно!

— Это как будто получить письмо от подруги... которая рассказывает, как живет. - Тихо сказала Грайлих. - Сто с лишним лет назад. Подумать только.

Дверь распахнулась и вошла взволнованная Ульяна.

— Почему ты вернулась? У тебя же уроки! Все в порядке?

— Я отпустила класс. Не знаю, где Гала. Ее никто не видел.

— Так позвони ей.

— Я не могу до неё дозвониться весь день. Это очень странно! Я вообще не представляю ее без телефона в руках. Я... я даже позвонила в полицию. Они сказали, что Гала нет всего лишь с утра, не так давно, чтобы подавать заявление. Сказали, что она найдётся, и что мне не стоит волноваться.

— Скорее всего они правы. Будем надеяться.

— Наверное, я преувеличиваю. У меня просто плохое предчувствие. Виктор говорит, что я просто паникерша.

— Виктор?

— Мой бывший молодой человек. Ну, то есть мы расстались, но потом сошлись, а потом... снова расстались. Он... сделал мне предложение. Знаете, так, как в кино показывают, пригласил в ресторан. свечи и все такое, а потом бах на одно колено... и я... я так растерялась, что отказала. Это же не честно! И неправильно. Нельзя делать предложение у всех на глазах, Гала говорит, что это манипуляции, типа так я не смогу отказать. Ну, я отказала... мы поругались... Простите, моя личная жизнь не должна вас интересовать.

«Ах вот почему эта красавица поехала вслед за подружкой! Лечить разбитое сердце».- Подумала актриса.-«Теперь все становится на свои места».

Глава 8. Болтужев, наши дни.

На следующий день Гала так и не появилась.

С вечера Таисия допоздна читала рассказы Мельникова-Печерского. Совсем по-другому они читаются, когда пейзажи перед глазами!

Спалось в Болтужеве прекрасно, а уж если зачитался до первых соловьев - нет, не петухов, а именно соловьев, потому что петушиный будильник Грайлих благополучно проспала - то разве можно проснуться в девять утра! Она бы и не проснулась, если бы не телефон. Он надрывался, не умолкая, пришлось нащупать злобный гаджет на тумбочке, не открывая глаз.

И сон тут же исчез, как и не бывало.

- Я тебя разбудила? – спросила Серафима.

«И как люди догадываются, что кого-то разбудили, даже если это девять утра?»

- Нет, - соврала Таисия.- Не разбудила. Собираюсь завтракать.

- Я вот что звоню. Гала так и не появилась, и ночевать не пришла, а это уже совершенно ненормально и странно. Полиция отмахивается, говорит, мало времени прошло. Ульяна в истерике. Может, ты позвонишь Стрельникову? Я бы и сама позвонила, но к тебе он относится... скажем так с особым пиететом.

Александр Михайлович Стрельников, старший следователь местного следственного комитета, действительно относился к Таисии с особенным... негодованием. Мало того, что лезла в расследование и мешалась под ногами, так еще и жизнь свою подвергла опасности. Отвечай потом, как упустил звезду, не досмотрел.

Так что она совершенно не была уверена, что следователь согласится повлиять на полицию. Но отсутствие Гала действительно странно.

- А блог? Она же постоянно там что-то выгладывает, посты и эти... как они называются... рилсы.

- В том-то и дело. В блоге тишина второй день.

А вот это было уже абсолютно ненормально.

- Дай мне десять минут и я буду у вас.

Пять минут ушло на приведение себя в минимальный порядок, еще пять на вызов такси и вот уже Таисия входила в столовую купеческой гостиницы, где заплаканная Ульяна комкала в руках салфетку. Крупные слезы скатывались прямо в остывший чай, словно капель в весенние лужи.

- Что с ней могло случиться?- Повторяла Ульяна, а Серафима сразу перешла к делу.

- Можно определить местонахождение телефона! Ты звонила Стрельникову?

- Звонила. И попросила приехать. Не буду же я в такси рассказывать об исчезновении девушки. И вообще такие вопросы по телефону не решают.

- А вдруг она упала и ударилась головой и...- Ульяна снова захлюпала носом, - лежит без сознания в лесу и каждая минута на счету!

Стрельников появился через полчаса. Сразу поинтересовался за рулем ли Гала.

И вообще, что за... кличка? Есть у человека фамилия, имя и отчество?

- Есть,- Ульяна попыталась собраться, долго сморкалась в салфетку, пытаясь остановить разверзшиеся хляби, потом сказала осипшим голосом:- Галина Андреевна Летяга.

«Галà Летяга. Что тут скажешь... Оригинально.»

Тут глаза Ульяны расширились:- Вы спросили, за рулем ли... Ну, конечно, машина!- Она вскочила и выбежала за дверь.

- И что, никто не вспомнил о машине и не проверил?- Удивился Стрельников.- Дамы, вы меня удивляете. Уж вы могли сообразить.

Ульяна вернулась, качая головой. – На стоянке машины нет.

- Номер какой?- Стрельников позвонил в полицию, уточнил, не было ли в районе ДТП. – Куда она могла поехать?

Ульяна пожала плечами.

- Я сейчас проеду к начальнику районного отделения полиции. Поищем машину вашей подруги. Но с подачей заявления придется повременить. Во-первых, вы ей не родственники, во-вторых, сутки слишком маленький срок. Мы уже

знаем, что девушка не ушла пешком в лес, а уехала на машине. Она может оказаться дома и в скором времени выйдет на связь.

- Но блог... сутки ни слова в блоге!

- Телефон мог выйти из строя?

-Но... мог...

- Позвоните родственникам общим знакомым, только не пугайте их так сразу. А полиция поищет машину. И звоните, если что узнаете, особенно если Галина Андреевна Летяга у себя дома в Серафимовске ждет телефон из ремонта.

- Она бы сообщила...- неуверенно протянула Ульяна.

- Голубиной почтой? Знаете, есть такой грустный анекдот. Забыл дома телефон, вот так был и человек - и нет человека. В такое время живем, если не на связи двадцать четыре часа в сутки, так сразу трагедия. А лет двадцать, двадцать пять назад? Уехал куда-то и звонишь раз в неделю через телефонную станцию. То-то и оно!

* * *

Стрельников уехал, женщины сидели молча, обдумывая его слова. Да, следовательно абсолютно прав. И надо бы задать неудобный вопрос...

- Ульяна, скажи, Гала всегда говорила тебе куда она идет и когда вернется?

- Э... нет, не всегда.

- А ты ей?

-Я? Я... всегда предупреждала.

«Понятно. Классическая схема, звезда и ее приживалка. Похоже, несмотря на свою красоту Ульяна чувствует себя потерянной, если рядом нет твердой руки. Сначала бойфренд, без которого она, по собственным словам, пропала бы, теперь таким якорем стала подруга. Могла Гала... все хватит, отныне она будет зваться человеческим именем,- могла Галина устать от ведомой, прилипшей к ней подруги и уехать ненадолго, чтобы побыть собой. Тем более, зная, что подруга простит. Классический вид манипуляций.

Смущает лишь отсутствие в блоге и одержимость новым проектом, вдруг испарившаяся. Но и этому наверняка найдется объяснение, возможно, это способ подогреть аудиторию: пропала в глухих лесах, еле выбралась, снова на связи.»

Так Таисия и сказала.

- Должно быть разумное объяснение. Поверьте, все проясняется гораздо чаще, чем происходят трагедии. Ты не против, если мы посмотрим номер Галины?

Ульяна неуверенно кивнула, но Серафима нахмурилась:

- Но мы же не можем врываться в номер!

- А горничная врывается?

- Горничная, естественно, входит, но это ее работа.

- А ты периодически ее заменяешь. Бери веник и пошли.

Я пыль вытру, в конце концов.

Внутри номера царил атмосфера исключительной организованности. Книги выстроились на полках в ровные ряды, сгруппированные по темам и отсортированные по фами-

лии авторов. Плетеные корзины, в которых обычно Серафима оставляет фрукты и приятные мелочи для гостей, заполнены тетрадями. Так-так, историчка не вылезает из интернета, а детей заставляет по старинке писать в тетрадях. Похвально.

Таисия перелистала несколько тетрадей. Красными чернилами, как в детстве ее сына и внучки, сделаны пометки.

Посреди дубового массивного стола лежат ежедневник и тетрадь формата А4 с миллиметровой бумагой. Забавно, когда она работала над ролью, делала заметки и рисовала схемы в точно таких же тетрадях. В ежедневнике расписаны темы уроков, списки литературы и номера страниц. Таисия открыла тетрадь: та была еще пуста, лишь два слова на первом листе, подчеркнутые жирно два раза: Треклятая деревня.

Через несколько листов нашлись вырезки из старых газет с рассказом об истории деревни, наверняка местный краевед поделился.

Таисия позвонила Арнольду Михайловичу, невольному участнику их прошлого расследования. Тот обрадовался, подтвердил что вырезки Галине отдал он. Слава Богу, пожилой историк называл девушку не выдуманым «ником» а Галочкой, и конечно, обращался к Таисии как всегда - голубушка.

Невольно холодок пробежал по позвоночнику. Что там говорила Леля? Все кто осмелился войти в деревню, оставались там навсегда, удерживаемые призраками.

- Арнольд Михайлович, могла Галина отправиться в Треклятую деревню?

Ульяна с Серафимой ахнули за спиной.

- Она, конечно, очень увлеклась этой деревней, но Галочка показалась мне девушкой разумной и прагматичной, она не поехала бы на свой страх и риск. Я посоветовал поймать Корнилова в Болтужеве, так гораздо проще и...не травматично.

* * *

В столовой их ждала Леля.

- Я с вечера замариновала курицу с острыми перчиками, будет сырный соус и карамельный флан. Порционно, конечно. Когда я сделала его в большой форме, Серафима...

- Да, я съела чуть больше, чем обычно, потому что это было очень вкусно!

- Ну, допустим ты съела половину противня и потом три дня маялась желудком, ну, да ладно. А что это вы все такие озабоченные?

- Я подумала...- начала Таисия, - просто подумала, что возможно... мы могли бы съездить все вместе в забытую деревню. К этому вашему таинственному Корнилову. Просто спросить, не была ли там Галина.

Леля покачала головой: - Даже не думай! Я рассказывала, чем это обычно заканчивается

- А мне нравится эта мысль, - неожиданно поддержала подругу Серафима.- Все ваши городские легенды рассказыва-

ют об одиночках, что может случиться с целой компанией женщин?

- Именно! И мы просто посмотрим со стороны. А если выйдет хозяин, то мы расскажем о Галине и... я спрошу можно ли увидеть дом на Озерной улице.

- Я так и думала! – Леля всплеснула руками.- Ты все это затеяла из-за дома. Вы как хотите, а я пас! У меня курица в печи!

- Я... мне в школу... я вообще не уверена...- залепетала Ульяна.

Серафима и Таисия переглянулись.

- День ясный, теплый, солнце светит. В такую погоду даже духи прячутся и ждут ночи. И вообще все это ваши местные страшилки! – Сказала хозяйка гостинцы.

Таисия радостно закивала.

В спортивном костюме и кроссовках она была полностью готова к приключению. Серафиме оставалось лишь сменить наряд купчихи XIX века на современную одежду, и можно ехать.

Они уже выходили из гостиницы, когда явился курьер с пухлым большим картонным конвертом для Таисии, отправляя копию дневника, на всякий случай Кристина указала адрес гостиницы. Как не велик был соблазн немедленно открыть конверт и начать читать, пришлось положить его на сиденье. Путешествие в Треклятую деревню казалось сейчас интереснее. От предвкушения даже мурашки по коже бежа-

ли.

Мотор заработал, когда хлопнула задняя дверь машины и Леля плюхнулась на сиденье.

- Курица?- спросила Таисия, улыбаясь.

- Повариха допечет. Ее просто надо вовремя достать. Не могу же я бросить вас одних в минуту опасности! Поехали.

* * *

У Болтужева было удивительное свойство. Другие города заканчиваются постепенно, тянутся окраинные домики, какие-то строительные предприятия и базы, Болтужев же исчезал моментально. Нет, основная дорога на железнодорожную станцию через соседние деревни была такая же, как и тысячи других, базы, домики и поля сменялись деревнями. Но все прочие дороги удивляли: вот только что была улица, но ты уже в лесу и высокие деревья закрывают обзор, а порой склоняются над дорогой, закрывая небо. Ты лишь догадываешься, что город не исчез, а остался за спиной, потому что в листве еще путается колокольный звон трех его монастырей, а может это лишь иллюзия, последнее, что еще связывает с реальностью растаявший в воздухе город?

Леля, которая, по ее собственному утверждению никогда не была в Треклятой деревне, уверенно скомандовала: тут налево. До сих пор все было понятно, единственная дорога вела их вперед. Но теперь пришлось съехать в лес на то, что казалось скорее широкой тропой, чем дорогой.

Когда дорога, вытрясая из всех не только внутренности,

но и душу, вывела из леса, Серафима притормозила.

Машина стояла на пригорке, с которого открывался вид на узкую речку, приток Клязьмы, многочисленные прудики и озерки и между ними среди кустарников и деревьев, виднелись вполне приличные, а совсем не покосившиеся домики.

И все же возникало ощущение, что они внезапно оказались в какой-то отдаленной части света, а совсем не в центральной России.

Какое место! Как его под коттеджи не присмотрели, всего-то десять километров от Болтужева! Хотя и сам Болтужев не слишком известен «в широких кругах».

А вот и указатель, грозно сообщающий, что проезд запрещен, дальше частная территория.

После указателя дорога снова нырнула в густой лес, озерный пейзаж скрылся из виду. Смешанный лес сменился сосновым и сразу потемнело. После таблички «Вход воспрещен» их встретила табличка «нарушители будут расстреляны на месте».

- Это же не военная база? Однако оригинал этот Корнилов. Очаровательно.

- Может, повернем назад? – Спросила Леля.

- Мы не сможем этого сделать, даже если очень захотим, - ответила Серафима. - По узкой дороге можно ехать только вперед.

- Смотрите. Здесь живут. - Таисия показала на двухэтажный дом, окруженный деревьями. Трудно объяснить почему,

но дом выглядел жилым.

- А вон там - тоже.- Леля показала на дом по другую сторону дороги, близнец первого. Неужели здесь живет кто-то еще?

- Удивительно, что при таких табличках они не обнесли деревню колючей проволокой, - пробормотала Таисия.

Дома выглядели довольно ветхими.

- В этом живет один брат, в том-другой. – Сказала Леля.
- Как в легенде.

Они остановили машину на обочине дороги, которая здесь достаточно расширилась. Медленно вышли из машины.

Стояла абсолютная тишина, сразу стало жутковато. Казалось, ни один лист не шевелился, ни один сверчок не стрекотал... тишина была тяжелой, создававшей ощущение, что закричишь- и тебя не услышат.

Пахло дождем, хотя его не было уже неделю.

Очередная табличка содержала всего одно слово: «Уходите».

Кто он, загадочный Корнилов? Как он может жить в таких условиях? Что случилось, что заставило его превратиться в отшельника, полностью отгородиться от мира?

Серафима решительно подошла к дверям дома и постучала. Стук разорвал тишину словно взрыв петарды.

Ответа не было.

Она постучала снова с тем же результатом.

- Нам пора обратно, да?- Прошептала Леля.

- Наверное,- так же тихо сказала Серафима.

Таисия рассматривала скачанную в телефон карту деревни. – Не ожидала, что Лисина пустынь есть на картах. Правда найти ее можно лишь с большим увеличением масштаба. И теперь понятно, почему улицы здесь Озерная, Речная и Лесная, кругом водоемы. Неужели не затапливает ранней весной?

- Скажи я кому, что побывала в Треклятой деревне, не поверят, - Леля осторожно пошла вперед по дороге.- Какая тут тишина! И ничего страшного, просто безлюдно, от этого и непривычно.

- Эта тишина... она меня пугает, - Серафима тоже сделала несколько шагов вперед. – Никогда ничего подобного не испытывала.

- Она давит на барабанные перепонки,- согласилась Грайлих.- Но... Вымышленный страх всегда сильнее, чем подлинный пугает.

- Опять твой Шекспир?

- Но согласитесь, что Шекспир всегда прав!

Таисия с Серафимой, не сговариваясь, схватились за руки и медленно шли за полной энтузиазма Лелей.

За домами было что-то вроде поляны, заросшей одуванчиками. А затем деревья снова смыкались, как будто не давали чужакам пройти дальше в деревню.

Внезапно Таисия что-то увидела. Там, в густой зелени,

вспыхнул свет. И сразу погас. Он остановилась, вглядываясь.

- Что это? Вы это видели?

- Что?

- Этот свет. Вот, снова.

На этот раз все его увидели. Крошечный, мерцающий огонек в густой стене зелени вдали. Потом ещё один. Не было слышно ни звука. Тут и там огни вспыхивали, потом снова гасли.

- Светлячки? — удивилась Серафима.

- Нет, сказала Леля. — Это не светлячки.

- Тогда что?

Леля решительно направилась к лесу, но тут тишину разорвал яростный лай собак. Мгновение назад ничего не было, и вдруг он материализовался из ниоткуда. Они бросились назад, к дому. Взлетели на крыльцо в два прыжка, оглянулись.

- Где Леля???

Но подруги нигде не было, а из леса уже выбежали две большие собаки и приближались к ним.

- Леля! Не могла же она просто исчезнуть?

Вдруг, несмотря на весь ужас момента, Серафима прыснула.

- Что?

Она молча показала куда-то вверх. Таисия всмотрелась и тоже прыснула. На толстой ветке дерева, самой высокой, куда она смогла дотянуться, сидела их подруга. Они выдохнули. А собаки уже стояли у крыльца, огромные, страшные.

- Помогите.- Не крикнула а почему-то очень тихо сказала Серафима.

Из леса появилась третья собака. Она была на поводке, а поводок в руках мужчины.

- У него ружье.- Снова прошептала Серафима.

- Я вижу. – Прошептала в ответ Таисия.

- Товарищ... Господин... э... Корчагин. Мы не хотим причинить вреда. -Женщины синхронно подняли руки, словно окруженные солдаты в кино.

- Мы постучали в вашу дверь, но никто не ответил, - добавила Таисия уже нормальным голосом. Не сумасшедший же он, позволит им уйти и заберет собак. Значит, все хорошо.

- Мы как раз возвращались к машине, - сказала Серафима.

- Что вы здесь делаете?- Мужчина отдал команду, собаки отбежали и сели возле хозяина, послушные но все еще настороженные. – Разве вы не видели предупреждающие знаки? Вам здесь не рады.

- Ваши... э... собачки это очень доходчиво объяснили.

- Это мастино неаполитано.

- Простите, что?

- Собаки. Это мастино.

- Э... большие собачки...- Сказала Серафима.

- Если я дам команду, они разорвут вас на куски. Убирайтесь с моей территории.

- Можно, я спущусь? – Подала голос Леля.- Чтобы обратиться мне надо как-то... ну, вы поняли.

Мужчина изумленно уставился на даму средних лет в широкой белой юбке в темный горошек, с белокурыми кудряшками, сидящую на ветке дерева. Она крепко вцепилась в другую ветку и неуверенно оглядывала ствол.

- Как вы туда попали?

- Не знаю... ваши собаки... а я их боюсь, с детства. Вот и...

- Спускайтесь.

- Я не уверена что смогу... не смотрите на меня!

- Мужчина, э... господин Корчагин, помогите ей!

- Вы уже второй раз называете меня Корчагиным. Моя фамилия Корнилов. Как я могу ей помочь?

- Хотя бы отвернитесь! – пискнула сверху Леля.

- Нет! Не отворачивайтесь, лучше поймите ее! Она не спустится сама.- Серафима решительно зашагала к дереву, но собаки зарычали и она остановилась. – Уберите собак, тогда мы что-нибудь придумаем.

- Пока он будет убирать собак, я упаду. Я больше не могу, руки затекли и ветка сейчас обломится!

Таисия догнала подругу и умоляюще глянула на Корнилова.

-Послушайте... я не хочу ничего плохого, но мне очень надо найти один дом в вашей деревне. По улице Озерной, номер три. Это очень важно.

- Нет. А теперь уходите.

- Но, уважаемый Корча... Корнилов это действительно

очень важно! Я специально приехала из Москвы... вы меня не узнаете?

Он уставился на Таисию, потом помотал головой.

- Нет. Уходите.

- Но если...

- Я скажу вам то же, что и другой женщине, которая приезжала вчера. – Абсолютно и бесповоротно, нет.

- Извините, вы сказали другой женщине. Какой женщине?

Корнилов выглядел так, словно сто раз пожалел, что упомянул о ней.

- Какая разница? – Он взвел курок ружья.

- Мы уходим, все, уходим. Но скажите только, она была молодая, с рыжими волосами и мелиро... светлыми кончиками волос, да? – Не унималась Серафима.

- Я не помню.

Одна из собак зарычала низко, гортанно.

- Это очень важно!

- И дом важен! – Вторила Таисия.

- А вы не хотите сказать, что за огоньки светят посреди леса? – Спросила сверху Леля.

Мужчина замер и поднял голову.

- Спускайтесь оттуда немедленно! Это последний раз, когда я просто предупре... – Зазвонил телефон, мужчина полез в карман, зажав поводок под мышкой.

Тут есть сеть? Но, боже, как же странно выглядит отшельник с телефоном. В этом какая-то неправильность, неесте-

ственность. Хотя на дворе XXI век, эта деталь рушила весь образ, а значит и образ был неправильным! О чем и сказала Таисия словами любимого Шекспира: - «У всякого безумия есть своя логика».- И добавила от себя. – А здесь ее нет.

Корнилов ее не слушал, он отвечал на звонок, вежливым и деловым тоном.

- Здравствуйте. Подождите секунду.- Убрал трубку от уха. – Я дам вам возможность уйти. Самим. Как она спустится с дерева, меня не интересует. Если я вернусь и увижу вас, я спущу собак. Понятно?

Женщины кивнули, Корнилов снова поднес трубку к уху, свистнул собак и отправился в дом.

- Жаль, что мы не смогли осмотреться. И теперь мы знаем, что Гала... Галина точно была здесь вчера утром. Нужно сообщить в полицию, пусть они разбираются с этим сумасшедшим.

- А лучше позвонить прямо сейчас.- Сообщила с дерева Леля.

- Почему? Ты застряла?

- Возможно и застряла... но дело не в этом.

- В чем дело? Быстрее, он сейчас вернется и точно спустит собак! Спускайся, мы вернемся домой и позвоним.

- Мне просто отсюда хорошо видно. Там, за деревьями, полянка. И на ней лежит труп.

Женщины ахнули, ветка треснула и, не подхвати они по-другому каким-то чудом, Леля бы рухнула на землю и навер-

няка что-нибудь сломала.

- Ты бы падала как-то... аккуратнее, - проворчала Серафима, потирая предплечье.- Мне все-таки, не тридцать лет. И даже не сорок.

- А кому-то даже не шестьдесят, - грустно констатировала Таисия, разминая поясницу.

Вместо того, чтобы бежать к выходу, женщины отправились в направлении указанном Лелей. Несколько шагов в густом лесу - и они оказались на поляне. На траве лежала женщина в джинсах с рыжими волосами. Пульс можно было не проверять, хотя никто и троицы и не собирался. Открытые глаза смотрели в небо, кожа была бледной, черты лица заострились.

Корнилов распахнул дверь при их приближении, но они не дали ему открыть рта.

- Вызывайте полицию. У вас там труп.

* * *

- Не топчитесь на месте преступления.- Сказал Стрельников.- И почему я совсем не удивлен?

- Значит, это место преступления? То есть... вы не думаете, что она умерла естественной смертью?- тут же среагировала Грайлих.

- Вскрытие покажет. Серафима Ананьевна, вы уверены, что это ваша постоялица?

В глазах Серафимы блеснули слезы. – Уверена. Бедная девочка. Она полгода преподает историю в здешней школе. Вы

думаете – сердечный приступ? Или отравление?

- Серафима Ананьевна, и вы туда же. Вы свободны, дамы, показания ваши запишут позже.

- Шок. – Сказала Леля за их спинами.

- Что вы сказали?

- Ничего. Я просто подумала... она умерла от шока, когда увидела призрачных братьев. Легенда правдива.

- Дамы. Не испытывайте мое терпение. В легенде нет правды. В этой деревне нет призраков. Это просто всеми забытое место.

- Борьбы не было,- сказал врач.

Леля почти беззвучно произнесла: - Шок.

Серафима кивнула. А Таисия прикидывала, сможет ли она быстренько найти Озерную улицу и нужный дом, пока здесь полиция.

- Я хочу немного пройтись, - шепнула она подругам.

- Нельзя! Ты тоже можешь погибнуть!- зашептала в ответ Леля.

-Эти легенды- неправда.

- Да? А как же ты объяснишь огни в лесу?

Раздался странный звук, словно ржание лошади.

Все замерли, полицейские тоже его услышали.

Затем послышался другой звук, на этот раз телега или повозка двигалась медленно, колеса скрипели.

- Что это? – Спросил Стрельников.

- Это старая конная повозка. Она ездит по этому лесу каж-

дую ночь. – Ответил доселе молчавший Корнилов.

- Где? Я не вижу никакой телеги.

- Потому что ее там нет. – Сказал Корнилов.

Все переглянулись.

- Значит, это правда? — спросила Леля. - В деревне обитают призраки?

- Думайте, что хотите.- Корнилов застыл с каменным лицом, скрестив руки на груди.

Таисия сглотнула и придвинулась ближе к подругам, когда мимо проносили тело. Как ярко жила Галина, Галà! Вела блог, интересный десяткам тысяч людей, очаровывала школьников историей. Она почувствовала беспомощность. Как же так, почему девушка умерла? За беспомощностью пришел гнев. А если ее действительно убили? Украли ее будущее, возможную семью, детей. Сделала бы она научные открытия? Теперь мечты Галины о чем бы она не мечтала, никогда не сбудутся.

- Его нужно найти. – Пробормотала Грайлих.

- Кого?- Спросила Леля.

- Того, кто это сделал.

Серафима кивнула и сжала ее руку.

Машина медиков отъехала и подруги вместе с полицейскими и следователем отправились к выезду из деревни. Наступила тишина, лишь шорох шагов о землю. И вдруг... Из леса слышались звуки. Слов не разобрать, но вот ребенок о чем-то спрашивает мать, та отвечает. Мужчина оклика-

ет другого мужчину; стучит молоток плотника. Еще детские крики. А вот кто-то копает лопатой неподатливую землю.

- Что это такое? Кто копает?- остановился Стрельников.

- Это с кладбища. – по-прежнему невозмутимо ответил Корнилов.

- С какого кладбища?

- Деревенского. Это же деревня, здесь есть кладбище. Люди здесь жили, умирали. Оно населено призраками, или называйте это как хотите. Там до сих пор что-то слышно. Я этого не понимаю, но я живу здесь так долго, что больше не задаюсь этим вопросом. Мне они не мешают.

- Александр Михайлович, может, нам стоит получше осмотреться... - начал один из полицейских.

- Нет,- хором ответили Стрельников и Корнилов.

- Но здесь происходит что-то странное.

- Нет, - повторил Стрельников.- Возвращаемся в город. Господин Корнилов, вы едете с нами, остальные,- он посмотрел на женщин, - домой. Отъедете первыми, мы за вами. Так я буду уверен, что вы ни во что не вляпаетесь.

Корнилов запротестовал. – Я никуда не поеду. Просто убирайтесь с моей земли и оставьте меня в покое.

- Мы уже уходим. Но вы идете с нами. На вашей, как вы только что выразились, земле найдена мертвая женщина. А ваши таблички обещают смерть всякому, кто сюда явится.

- Но вы же видели! В нее не стреляли!

- Нам нужно побеседовать, господин Корнилов. Ваши таб-

лички...

- Они призывают к порядку и уважению частной собственности. Того, кто нарушает закон, нужно наказывать.

- Вы сами пойдете, или мне попросить офицеров полиции надеть на вас наручники?

Мужчины мгновение сверлили друг друга взглядами, потом Корнилов усмехнулся и пошел вперед.

Подходя к машине Таисия машинально поправила волосы и почувствовала, что рука ее дрожит.

- Что-то мне не хочется оставаться одной сегодня вечером, пробормотала она.

- Ты же знаешь, у меня есть свободная комната.- Улыбнулась Серафима.- А если честно... мне тоже не по себе, хотя в гостинице живут постояльцы.

- Поторопитесь, дождь собирается.- Стрельников дождался, пока женщины сядут в машину и она тронется с места. Корнилова посадили в полицейскую машину и вся кавалькада тронулась, подскакивая на кочках лесной дороги.

Таисия вздохнула с облегчением, когда машина въехала в Болтужев. Из-за дождя небо потемнело и в окнах зажегся свет, но даже такая милая и уютная картина не подняла настроение.

Подруги доехали до дома Таисии, где она насыпала в миску корм для сэра Уильяма, бродившего где-то по своим кошачьим делам, наверняка осматривает свои владения и проверяет, все ли в порядке после его долгого отсутствия. Оста-

вила форточку открытой, если кот надумает ночевать дома, не будет же он гулять в дождь. Собрала нужные вещи и вся компания отправилась в купеческую гостиницу.

Леля ушла в кафе и появилась через полчаса с пакетом, из которого достала курицу, запеченную картошку и порционные вазочки с карамельным фланом.

- Я думала, нам конец, когда эти собаки на нас набросились, — сказала Серафима, оглядывая румяную куриную ножку. Они не ели с самого завтрака и аппетит у всех разгорелся зверский.

Таисия расхохоталась. — Я не представляла, что можно за секунду взлететь на дерево.

- Я тоже.- Хмуро буркнула Леля.

- Бедная Ульяна. Она будет в отчаянии, когда вернется из полиции.- Сказала Серафима. Остальные кивнули.

- Интересно что же случилось,- задумчиво сказала Таисия.- И эта деревня...очень странное место. Жаль, что не удалось ее увидеть.

- Ну, мне с высоты многое было видно.- Леля наколола картошку на вилку. прожевала, отхлебнула чаю и закончила,- например кладбище.

Серафима поперхнулась.- Там было что-то... необычное?

- Нет, призраков я не видела. Но кое- что меня обеспокоило.

- Что именно? Что ты видела?

Леля откашлялась. — Я не могу быть уверенной, все-таки

большое расстояние и эти собаки внизу... Но я почти уверена, что одна из могил намного... свежее всех остальных.

* * *

Таисия долго крутилась, не могла заснуть, перебирая в голове события прошедшего дня. Дождь колотил по подоконнику, но не успокаивал, а тревожил. Она уже пожалела, что заночевала у Серафимы, дома можно было встать, включить свет, поставить чайник. Здесь же не хотелось тревожить подругу.

Тут она вспомнила о конверте, встала, включила настольную лампу и открыла конверт. Устроилась поудобнее и начала читать.

Это была она! Та самая барышня с картины! Теперь у нее было имя и голос.

Глава 9. Койвола, 188...г.

Несмотря на все наши советы, Клавдия снова оказалась беременна. Я не удивилась. У моей сестры и её мужа был очень любящий и нежный союз, и естественным результатом таких отношений становились дети.

Узнав о хрупком положении Клавдии, мы с матушкой рассмотрели варианты ухода за ней. Провинциальный городок, где её муж находился на государственной службе, не являлся идеальным местом для сложных родов, которые предсказали доктора, особенно с учётом тамошних зим.

Никто из нас, включая Филиппа, супруга Клавдии, не хотел рисковать здоровьем матери или ребёнка.

Стало очевидно: ей нужно ехать туда, где есть доступ к лучшей медицинской помощи. Естественно, этим местом мог быть только Петербург — тем более что наш особняк на Английской набережной мог вместить всё семейство. Матушка большую часть времени живет на даче, брат Август служит на Кавказе, Феорония гостит у подруги.

Период моего вдовства закончился. Хотя я не особенно тосковала по рано ушедшему мужу, нужно было соблюсти все приличия — наша семья занимала весьма высокое положение в обществе. Но теперь я свободна и мы с матушкой решили, что моё присутствие в Петербурге и Койволе будет приветствоваться обществом.

Итак, по весне, как только сошёл снег и дороги очистились настолько, чтобы по ним легко прошёл экипаж, семейство Кузнецовых в полном составе выдвинулось в столицу. Большая часть их багажа ранее была отправлена в Петербург.

Я встретила их в Москве. Далее нам предстояло преодолеть чуть больше шестисот вёрст на поезде по Николаевской железной дороге — примерно за сутки.

Филипп занимался детьми вместе с няней, мне пришлось заботиться о сестре.

— Знаешь, в Петербурге будет много представителей высшего общества.- Задумчиво сказала Клавдия.

— Да, — ответила я нейтрально.

Возможно, сестру и занимала проблема моего вдовства, но это не означало, что я должна бросаться в омут с головой. Я исполнила волю родителей, удачно по общепринятым меркам вышла замуж, но это был утомительный и скучный брак. Счастье, что у нас не было детей... А может, в том и состояла проблема скуки.

Брак мой продлился недолго, но папà успел порадоваться, что я пристроена и не нужно больше волноваться о судьбе взбалмошной средней дочери.

А что вы хотели от ребёнка, которого называли Клеопатрой?

В других семьях детей называют традиционными пристойными именами. В нашей же решили оригинальничать. Клавдию ещё можно стерпеть, но Клеопатра? Увлечение

папà Древним Римом сыграло с нами недобрую шутку. Я вознамерилась подойти к своему возвращению в общество с большой осторожностью. Любая незначительная оплошность могла привлечь ненужное внимание, а поскольку я никогда особо не интересовалась соблюдением правил, я и так находилась в явно невыгодном положении. К счастью, моя семья будет рядом. Главное, чтобы Клавдия вынесла тяжёлую дорогу.

— Как только потеплеет, мы отправимся в Койволу. Матушка сказала, что там весьма оживлённая общественная жизнь. В последний год она очень подружилась с тамошними дачниками. Представляешь, летом там собирается больше шестисот семейств. Ты помнишь друга отца, генерала Лебедева? Он тоже теперь живёт в Коайволе. Писатели, промышленники, художники. — Клавдия вздохнула мечтательно, словно в её положении могла вести активную светскую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.